

НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Андрей Марчуков

ОТ ЛЕНИНГРАДА ДО БЕРЛИНА

**ВОСПОМИНАНИЯ АРТИЛЛЕРИСТА
О ВОЙНЕ И ОДНОПОЛЧАНАХ**

1941—1945

На линии фронта. Правда о войне

Андрей Марчуков

**От Ленинграда до Берлина.
Воспоминания артиллериста о
войне и однополчанах. 1941–1945**

«Центрполиграф»

2015

Марчуков А. В.

От Ленинграда до Берлина. Воспоминания артиллериста о войне и однополчанах. 1941–1945 / А. В. Марчуков — «Центрполиграф», 2015 — (На линии фронта. Правда о войне)

«Артиллерия – бог войны». «Из тысяч грозных батарей за слёзы наших матерей, за нашу Родину – огонь! огонь!» – поётся в «Марше артиллеристов». Но артиллерия – это не только важнейший залог победы. Это еще и тяжёлый ежедневный труд, военный быт, людские судьбы. Эта книга – об артиллеристах 334-го Краснознамённого артиллерийского полка (142-й Краснознамённой стрелковой дивизии), 30-го учебного артиллерийского полка офицерского состава и 69-й армии, защищавших Карелию и Ленинград, форсировавших Вислу и бравших Варшаву, Данциг и Берлин. Эта книга – о страшной блокаде Ленинграда. О боях и повседневной фронтовой жизни. Её ядро составили воспоминания моего деда: о войне и немножко о мире, о своём боевом пути и судьбах товарищей-однополчан. А вокруг этого ядра строилось исследование, целиком основанное на архивных материалах, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации. О боевом пути этих частей и соединений и о людях, воевавших в них. Книга снабжена богатым иллюстративным материалом.

© Марчуков А. В., 2015

© Центрполиграф, 2015

Содержание

Вступление	6
О хрупкости мира	6
О воспоминаниях	8
Об этой книге	12
Балтнян Конон Иванович	19
Глава 1	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Андрей Владиславович Марчуков
От Ленинграда до Берлина
Воспоминания артиллериста
о войне и однополчанах
1941–1945

*Светлой памяти моего деда-фронтовика, его боевых товарищей и
всех воинов, защитивших нашу Родину в той страшной войне*

© Марчуков А.В., текст, комментарии, иллюстрации, 2015

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

Вступление

О хрупкости мира

Уже сколько лет минуло со времени Великой Отечественной войны, а интерес к ней не только не угасает, но даже становится сильнее. Свидетельством тому большой объём издаваемой и продаваемой литературы, деятельность поисковиков и т. д. Казалось бы, уже всё о ней известно, и тем не менее сколько ещё остаётся «белых пятен», сколько вопросов не исследовано, сколько судеб пребывает в неизвестности. Поэтому каждое новое исследование, каждый введённый в оборот исторический документ, каждая строчка неожиданно найденных воспоминаний её участников и очевидцев расширяют наши знания о Великой Отечественной, помогают лучше понять то время и людей, в нём живших, превращаются в мазки, которыми пишется картина прошлого.

И сама тема войны в последнее время звучала иначе, чем раньше. В жизни нет ничего постоянного, установленного раз и навсегда. Всё в ней приходится добывать и завоевывать: трудом, верой, стойкостью, мужеством и отвагой. Не вечен, к сожалению, и мир на земле. Это хорошо понимали те, кто прошёл через войну. В одном из писем к своим знакомым, отправленном ещё накануне 30-й годовщины Победы, мой дед-фронтовик писал: «И вот скоро – 30 лет, как окончилась война, 30 лет МИРА! Какая радость всем, какое счастье! Чтобы МИР длился вечно! Мирного неба!» Послевоенные поколения, родившиеся и выросшие в годы мира, этого до конца понять не могли. Для нас это тогда звучало несколько абстрактно.

Но сейчас война перестала быть чем-то отдалённым и абстрактным, нас не касающимся. Войны на земле не прекращались и раньше, но случались они где-то в других странах, на других континентах, а если и близко к России – то всё равно на периферии, где жили другие народы. Да, был ещё распад СССР и бои в Приднестровье, гибель и изгнание десятков тысяч русских в Чечено-Ингушской АССР – но это было давно, в начале 1990-х. И вдруг война постучалась в двери: запылал Донбасс. А живёт там не какой-то чужой, а наш народ, свои. Новостные сюжеты как-то незаметно превратились в сводки боевых действий, словно бы повторяющие те, что приходили из этих мест в 1941–1943 годах, когда там шли бои Великой Отечественной.

Вот только враг, принёсший на эту землю огонь и смерть, теперь другой. Это уже не чужеземные захватчики, а вполне «свои». Вернее, те, кто когда-то были «своими», а потом, после произошедшего с ними нравственного и мировоззренческого перерождения, стали «чужими» – и почище любых чужеземцев.

Это захватившие на Украине власть американские ставленники и оголтелые украинские националисты/нацисты – идейные потомки тех, кого наши деды и прадеды разгромили в 1945 году. Накал ненависти к России, русским и миллионам своих соплеменников, несогласных с идеологией агрессивного украинского национализма и прозападного курса страны, на Украине приобрёл неслыханные формы и масштаб. Это явилось делом рук украинских «средств массовой пропаганды», западных кураторов «украинской самостоятельности» и её нынешних властей.

Но только ли сейчас это случилось? Ненависть, отречение от своих истоков, агрессивно-ассимиляторская идеология украинства взращивались на Украине все годы после неожиданного обретения ею самостоятельности. Они взращивались руками государства и националистической интеллигенции, которые внушали, что «Украина – не Россия», что украинцы и русские – это два совершенно разных и враждебных друг другу народа, что 350 последних лет и советский период в особенности – это «чёрная дыра» в истории Украины. Вот и выросло поколение, воспитанное на лжи и обмане, на выдуманных химерах и забвении подлинной истории.

Потому и расплодилось всевозможные «правые сектора», пробандеровские «ультрасы», батальоны карателей-наёмников, уничтожающих всех и вся на своём пути.

А ведь большинство из них – это не внуки-правнуки эсэсовцев, бандеровцев и им подобных. Нет, их деды – ветераны, советские воины, воевавшие за одну общую Родину – СССР. Миллионы украинцев в годы войны сражались с врагом в частях Красной армии, партизанских отрядах, войсках НКВД, защищали от бандитизма (в том числе украинско-националистического) порядок и мирную жизнь граждан в органах милиции. Тысячи и тысячи были награждены орденами и медалями, стали Героями и дважды Героями Советского Союза, а лётчик-истребитель Иван Никитович Кожедуб – трижды Героем. Они завоевали для нас мир, творили и создавали.

А теперь они объявлены предателями, воевавшими «не за то» и «не за тех», потому что защищали «тоталитарный СССР» и «враждебную ненавистную Россию», якобы извечно «угнетавших» Украину и украинцев. Память о них растоптана. Жизнь их поколения названа ложной, их дела подвергаются оплёвыванию и осмеянию. Началось с осквернения памятников и издевательств над ветеранами, а закончилось сожжением и убийством сотен и тысяч людей в Одессе, на Донбассе и других местностях этой некогда цветущей земли.

И стало ясно, что мир хрупок. Что завоёван он для нас был подвигом, чрезвычайным напряжением сил и жизнями наших отцов, дедов и прадедов, выстоявших в той войне и победивших. В условиях новой «полуобъявленной» Западом и их приспешниками войны против России и всего Русского мира, кровавой гражданской бойни в Донбассе и на Украине тема Великой Отечественной войны приобретает совершенно новое звучание. Обостряет чувства, совесть, историческую память. Заставляет по-новому осмыслить и понять то, что наши предки вынесли в годы войны, что завоевали для потомков и мира в целом. Вспомнить всех и взглядеться в их лица.

Вот и эта книга – о войне. Это долг памяти моему деду-фронтовику и всем тем, кто воевал, – его товарищам, однополчанам, всему их поколению, прошедшему через войну и отстоявшему для нас мир, свободу и человеческое достоинство.

О воспоминаниях

В основу книги легли воспоминания деда – Балтяна Конона Ивановича – о войне и немного о мирной жизни. Родился он 23 (по старому стилю – 10) марта 1915 года в крестьянской семье в селе Сенная (Сенное), что под городком Балта (прослеживается связь с фамилией), ещё при Государе. Хоть Балта и была маленьким местечком, каких на Юге России было великое множество, но ей повезло быть воспетой в стихах. Эдуард Георгиевич Багрицкий (Дзюбин) в своей «Думе про Опанаса» посвятил Балте такие тёплые строчки:

Балта – городок приличный,
Городок – что надо.
Нет нигде румяней вишни,
Слаще винограда.
В бrynзе, в кавунах, в укропе
Звонок день базарный;
Голубей гоняет хлопец
С каланчи пожарной...

Тогда это была Подольская губерния Российской империи (самая её южная часть, на границе с губернией Херсонской), а после – Одесская область Украинской ССР, а вот теперь – независимой Украины.

Фамилия Балтян, несмотря на внешнее созвучие, вовсе не армянская, а украинская, и происходит она из районов исторической Новороссии и южного Подолья, что прилегают к Днестру и Молдавии. Край этот долгое время был пограничьем Русского славянского мира со Степью, пограничной землёй между польской Речью Посполитой,

Османской империей, Россией. И население его было в этническом плане пёстрым.

Это малороссы (в XX веке переименованные советской властью в «украинцев») и великороссы («русское» имя власть сохранила только за ними), в том числе старoverы. Это поляки и выходцы из западных русских земель, которых правительство Речи Посполитой переселяло на свои окраины, особенно после того, как в результате войн и смут второй половины XVII века они обезлюдели. Позднее эти переселенцы в значительной массе приняли православие (те, что были настоящими поляками) и незаметно обрусели (в малороссийском варианте русскости). В Балтском районе, и в том числе в Сенной, живёт немало потомков этих людей, неслучайно среди них распространены фамилии на «-ский».

Это и молдаване, переселявшиеся сюда, за Днестр, в пределы России, из подвластных Турции земель. Это евреи, составлявшие высокий процент населения местечек, и прочие. Кстати сказать, соседство с Молдавией даже послужило причиной того, что с 1924 по 1940 год (до возвращения оккупированной румынами Бессарабии в состав Советского Союза) Балта являлась столицей Молдавской АССР.

Жизнь дед посвятил земле: труду агронома, а затем и учёного-землеведа, агрохимика, стал доктором сельскохозяйственных наук. Прожил большую жизнь (умер он 11 февраля 1994 года), пройдя со страной все испытания, выпавшие на её долю. В том числе и войну. Встретил её дед на Карельском перешейке, на границе с Финляндией, будучи курсантом, ездовым 76-мм орудия 334-го Краснознамённого артиллерийского полка, входившего в состав 142-й Краснознамённой стрелковой дивизии. А закончил западнее Берлина, на Эльбе, уже будучи лейтенантом, офицером Штаба артиллерии 69-й армии. А между этими датами – годы войны и, главное, блокады Ленинграда, которую он прошёл «от звонка до звонка», перенеся её голод, холод, психологическое напряжение и поучаствовав в её прорыве.

Как появились эти воспоминания? Наверное, так же, как и у многих других ветеранов. Шло время, и чем дальше в прошлое отодвигалась война, тем ближе она становилась в памяти, тем больше хотелось поделиться волновавшим, рассказать другим о том, что пережил. Кому? Желательно, многим (один из отрывков даже выходил в печати в районных газетах), но в первую очередь родным и прежде всего внукам. Внуки любят слушать дедушкины и бабушкины рассказы и сказки, а бабушки и дедушки любят нянчиться с малышами. Вообще, старые и малые часто дружат – и не только потому, что у них на то есть время, возможность и желание, но и потому, что, несмотря на разницу в возрасте, имеют между собой много общего.

Дед тоже рассказывал эпизоды из прошлого своим внукам – и, в частности, мне, автору этих строк. Вот запись из его дневника, датированная августом 1988 года. «Внуку Андрею за время 19–29 августа рассказаны боевые эпизоды из Великой Отечественной войны: «Академик», «Начало», «Граница», «Отступление» («Кустики», «Аля-ля-ля = Ура-ура»), «Библиотека», «Оркестр из артиллеристов и миномётчиков» (20 оркестрантов выступали для двух девушек из Ленинградского завода, шефствующего над 142-й стрелковой дивизией), «Как съели „Злого“», «Шпион» (на синявинских торфяниках при прорыве блокады Ленинграда), «На посту» (как я у Баргышева вынул затвор карабина), «Как нас бомбили на железнодорожной станции Коростень» (в конце апреля 1944 года)».

Самое интересное, что я помню этот момент и даже кое-что из рассказанного запомнил. Например, про этого самого «Академика» – маленького жеребёнка, пропавшего без вести на войне, или про солдата, замёрзшего от голода и холода блокадной зимой («Узелок с горохом»), или то, как дед напевал польскую партизанскую песню. Но помню смутно, без подробностей, как некий общий фон. Это и понятно: прошло немало времени, да и не мог ребёнок эти рассказы запомнить, а главное, понять и прочувствовать, как смог бы это сделать, будь он постарше. Возраст, другие интересы... Тем более что вокруг было много куда более увлекательных занятий. В том же дневнике и в той же записи, что и о рассказанных военных эпизодах, отмечено: «За десять суток с внуком Андреем сыграли тридцать партий в шахматы; счёт 16/5 на 13/5 в его пользу». Победил, разумеется, юный «шахматист». Да и разве может быть иначе, когда играют дед и внук?

Так бы и забылись эти рассказы – и мной, и другими, кто их слышал, оставшись чем-то слитым с образом деда, укрытыми дымкой памяти. Такова судьба всех устных воспоминаний. Так надо ли рассказывать детям серьёзные вещи, например, о войне? Ведь войны идут, и появляются новые ветераны – пока они молоды, но придёт и их черёд разговаривать с детьми и внуками. Конечно, надо. Что-то всё равно запомнится, отложится на уровне понимания добра и зла, сохранится в виде морально-нравственной матрицы, послужит формированию личности. Но для того, чтобы это запомнилось лучше, надёжнее будет слово написанное, напечатанное. К нему можно вернуться потом – в другом возрасте, на другом уровне понимания мира. И тогда эти воспоминания будут читаться и слушаться уже по-другому. И они сохранятся. Разумеется, если их хранить.

«Рукописи не горят», – произнёс один литературный персонаж, вышедший из-под пера Михаила Афанасьевича Булгакова. Возможно, на высшем, надчеловеческом уровне ни одно деяние и слово, сказанное или написанное, не исчезает и существует вечно. Но в мире человеческом это не так. Горят рукописи, ещё как горят.

Можно встретить массу примеров того, как ветераны и просто люди, которым было что рассказать (и даже те, в чьей жизни ничего особого не происходило, но которая тоже могла быть интересна их детям и потомкам), рассказывали о прожитых годах и даже записывали свои воспоминания и мысли. Счастье, если их слушают и берегут написанное. Но сколько этих интересных, а порой и бесценных, записей и фотографий погибло, будучи выброшено их же детьми, внуками и прочими родственниками как ненужный «мусор» и «хлам»? По невнимательности ли, нежеланию вчитываться в старческие записи и выискивать среди вороха бумаг

действительно ценное или, что самое распространённое, а потому печальное, – за ненужностью. Результат-то один. Никто их уже не прочитает. Никто не узнает, как и чем жил человек, его товарищи, его поколение. А ведь они этого хотели – иначе бы не рассказывали и не писали.

Представьте, что было бы, если бы люди, к которым писали Пушкин, Гоголь, Чехов, не сохранили их письма. Был бы потерян целый пласт культуры. Из частного складывается целое. Невнимательность – ступень к равнодушию. Равнодушие приводит к беспамятству, а оно – к тлену и гибели: людей, народов, стран, мира. А обществу, лишённому памяти или лишившемуся её по своей воле, так легко вложить совсем иную «память», «совесть», «нормы жизни».

Давайте хранить семейные архивы! Пусть они станут неотъемлемой частью нашей жизни – залогом единства прошлого, настоящего и будущего. Давайте слушать, запоминать, записывать, не откладывая «на потом», чтобы горько не пожалеть об упущенном. Давайте передавать это чувство потомкам. Ведь когда-то и мы, и они окажемся в таком же положении. И захотим, чтобы нас помнили.

У книг больше шансов не исчезнуть в потоке времени. Однажды изданные, они, даже будучи запрещаемы и уничтожаемы, имеют возможность воскреснуть и вернуться к людям¹. Конечно, книги, как и любое дело рук человеческих, тоже смертны. И всё же...

К счастью, дед решил записать свои воспоминания. И во многом за это надо благодарить его бывшего командира, а потом и друга, полковника в отставке Владимира Андреевича Колпакова, который посоветовал деду записывать воспоминания о войне. И дед прислушался. И даже сам потом советовал своим товарищам-фронтовикам писать мемуары и предлагать это делать другим (сохранилось одно такое пожелание – Ткачуку Василию Захаровичу). Оставил ли воспоминания сам Колпаков? А если оставил, то какова их судьба? Хотелось бы знать.

«Помогло» ещё и то, что дед оказался на пенсии, и ему, привыкшему всю жизнь работать и чувствовавшему ещё в себе силы, трудно было свыкнуться с жизнью пенсионера. Хотелось себя занять – и тут, как нельзя кстати, пришёлся совет фронтового товарища.

Дневники и записи дед от случая к случаю вёл в 1988–1989 годах. Делал он это не для печати (в то время такое представить себе было немыслимо), а для себя и семьи. Собственно, была у деда мысль не ограничиваться только военными эпизодами, а написать большие воспоминания о своей жизни. В дневниках даже сохранился набросок плана этих мемуаров. Так, первая глава должна была быть о детстве и семье и о пути «в люди»: учёбе в школе и Одесском автодорожном техникуме. Вторая – о студенческих временах, учёбе на агронома в Уманском сельскохозяйственном институте², попытке сбежать в Харьковский автодорожный институт и о работе по специальности («суждено быть агрономом»). После – две главы о войне, а затем – о послевоенной жизни и пути в науке: учёбе в аспирантуре Тимирязевской сельскохозяйственной академии³, защите диссертаций и «боях» на «научном фронте», не менее трудных и изматывающих, чем бои настоящие.

---

¹ Так произошло с трудами многих сторонников общерусского единства и малорусской идентичности, которые боролись против украинского национализма и сепаратизма и выступали за национальное, культурное и политическое единство Малой и Великой Руси как нераздельных частей Русского мира и России. В советское время их книги за свой общерусский взгляд не издавались и находились под запретом. Но спустя почти столетие вынужденного забвения труды и мысли этих людей вернулись к читателям и стали фактором общественного сознания.

² Одно из старейших высших учебных заведений России (ныне – Украины) сельскохозяйственного профиля. Был основан в 1844 году как Главное училище садоводства, первоначально располагался в Одессе, в 1859 году был переведён в Умань. Название часто менялось. Современное название – Уманский национальный университет садоводства. Расположен в замечательном дендрологическом парке «Софиевка», который в 1796 году заложил генерал-аншеф русской службы, граф Станислав Щенсный (Феликс) Потоцкий для своей возлюбленной, а потом и жены – гречанки Софии Витт. Руководил строительством военный инженер Людвик Христиан Метцель. Открытие парка состоялось в мае 1800 года.

³ Московская ордена Ленина сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева. Но чаще называлась «Тимирязевской», а сокращённо – ТСХА. Основана 3 декабря 1865 года как Петровская земледельческая и лесная академия. В настоящее время носит название Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева.

Что особенно интересно в свете современных политико-идеологических кампаний (на Украине), отдельно он хотел остановиться на развитии советского сельского хозяйства и в том числе на голоде 1921, 1932–1933 и 1946–1947 годов (этот раздел так и должен был называться – «Три голода»), рассмотрев их причины и проявления⁴.

Но планы так и остались планами. Написать удалось лишь небольшие воспоминания о войне (несколько особенно отложившихся в памяти эпизодов, подчас даже не связанных друг с другом) и одном «бое», состоявшемся уже после Победы – во время защиты кандидатской диссертации. А «бой» тот был суров, ибо пришёлся на период так называемой «лысенковщины» в советской биологической и сельскохозяйственной науке, и вышло так, что деду пришлось схлестнуться с именитыми противниками. Очень показательный пример научной (и просто) принципиальности и мужества.

А потом дневники и прочие записи были отложены – возможно, сказались возраст и усталость, а быть может, переходный период от трудовой жизни к жизни пенсионера завершился, и записывание воспоминаний, став своего рода психологическим амортизатором, свою задачу выполнило.

---

⁴ Любопытно, что к теме голода 1932–1933 годов и раздуваемым вокруг него политическим спекуляциям пришлось обратиться его внуку. См., например: *Марчуков А.В.* Операция «голодомор» // *Родина*. 2007. № 1. С. 60–67; *Марчуков А.В.* «Голодомор» в идеологической системе украинства // *Вестник Юго-Западной Руси*. 2008. № 2. С. 81–95 и др.

Об этой книге

Как бы то ни было, но записи эти долгие годы хранились дома, не выходя за пределы семьи. Но время идёт. Меняется ситуация в России и мире, меняются общественные настроения. И как-то, ещё раз обратившись к воспоминаниям, вдруг захотелось, чтобы их прочитали и другие люди, интересующиеся прошлым нашей страны. Чтобы ещё один малюсенький мазок дополнил картину истории Великой Отечественной войны, чтобы наша коллективная память пополнилась ещё одним фрагментом. Тем более что «подоспела» черед юбилеев.

В 2013 году страна отмечала 70-летие прорыва блокады Ленинграда, а в 2014-м – 70 лет со дня её окончательного снятия. 2015 год – год 70-летия нашей Победы в Великой Отечественной войне и во Второй мировой: ведь разгром Японии и освобождение русских земель – Курильских островов и южной части Сахалина – никто не может нас заставить забыть. А в нынешних условиях память о войне и наших воинах приобретает необычайно важное значение. Заметьте, что 70-летие освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков, которое пришлось на 2014 год, и на Украине, да и в России почти не упоминалось. Наконец, общегосударственные юбилеи дополнились частным: в 2015 году исполняется 100 лет со дня рождения деда.

Всё это вместе и побудило к тому, чтобы опубликовать воспоминания. Тем более что сейчас, к счастью, мемуары фронтовиков издаются и переиздаются, интерес к ним большой. Более того: неожиданно открываются новые, ранее неизвестные интервью и воспоминания воинов (в том числе записанные ещё в годы войны, по свежим следам)⁵.

А оставленные дедом воспоминания, несмотря на их небольшой объём и фрагментарность, очень интересны. Там нет описаний батальных сцен, танковых атак и артиллерийских дуэлей. Зато есть зарисовки человека о войне, о блокаде, о военной повседневности, о людях, прошедших через всё это, о непростых поворотах и изломах человеческих судеб. Записи просты и лаконичны, но в них отразились вещи, иногда даже сказанные вскользь, которые выпукло рисуют блокаду, не обходят «неудобные моменты». Чего стоит хотя бы рассказ о судьбе ездого Емцева. И в то же время показывают мужество и человечность людей, на долю которых выпали тяжёлые испытания.

Обо всём этом надо знать и помнить. Тем более что на смену блокадному Ленинграду пришли блокадные Славянск, Донецк, Луганск. В них, как в Ленинграде и других советских городах, от варварских обстрелов и бомбёжек, от недостатка необходимого погибали и умирали мирные люди, женщины, дети...

Само собой, текст мемуаров нужно было сначала напечатать (большая часть этой трудоёмкой работы была выполнена Марчуковой Галиной Кононовной, дочерью К.И. Балтяна). А затем придать ему надлежащий вид, соединить разные записи, разбросанные по нескольким блокнотам и тетрадям, в одно повествование. Скажем, порой один и тот же эпизод мог быть записан в нескольких местах и с разными подробностями, и их надо было свести воедино, при этом максимально сохранив исходный текст. В ряде случаев неизбежна была литературная редакция и соответствующая таким случаям правка. Но в целом необходимо отметить, что предлагаемый ниже текст воспоминаний деда – это именно его текст, его слова и мысли.

Сами воспоминания, как уже говорилось, не очень большие. И на книгу бы их не хватило – ни по объёму, ни по законченности (представляют они собой скорее ряд эпизодов, чем одно целое). И поэтому было решено сделать их базой, отправной точкой для работы, результатом которой и стало настоящее издание.

---

⁵ Пример находки такого рода бесценных источников: *Марчуков А.В. Герои-покрышкинцы – о себе и своём командире*. М.: Центрполиграф, 2014.

Текст пополнился за счёт материалов, взятых из фронтового блокнота деда. Они раскрывают как профессиональную сторону (выдержки из его конспектов по артиллерийскому делу), так и духовный мир советского солдата (лирика военных лет).

Записи пробудили интерес к деду как к личности и, в частности, к тому, как он воевал. Захотелось проследить документальные свидетельства его боевой и трудовой деятельности, упоминания о нём в приказах, оперативных и наградных документах, политдонесениях⁶. Для этого надо было обратиться к архивным материалам – прежде всего фондам 334-го Краснознамённого артиллерийского полка, в котором он воевал первую половину войны, а также и 142-й Краснознамённой стрелковой дивизии. Документы, касающиеся периода его учёбы в 30-м Учебном артиллерийском полку офицерского состава и службы в штабе 69-й армии, также использовались, но, в силу содержания воспоминаний и специфики этой учёбы и службы, в несколько меньшем масштабе, чем в случае с 334-м ап и 142-й сд.

Эти материалы хранятся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Нелишне отметить, что за семьдесят прошедших со времён войны лет подавляющее большинство из нескольких десятков просмотренных архивных дел было затребовано исследователем (и введено в оборот) впервые. Большим подспорьем в работе также стал электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (<http://podvignaroda.mil.ru/?#tab=navHome>), где размещены некоторые материалы из фондов ЦАМО РФ (главным образом реализованные наградные листы).

Но можно ли изучать боевой путь воина отдельно от всех остальных, от его товарищей по оружию? Разумеется, нет. Так интерес к конкретной личности привёл к тому, что в поле зрения оказались и его однополчане, и в целом боевой путь части и соединений, в которых дед воевал. К счастью, документы полка и дивизии велись хорошо и сохранились в достаточном объёме⁷, хотя многие (главным образом те, что касаются блокады) до сих пор засекречены. И работа в архиве Министерства обороны началась.

Прежде всего, возникло желание выяснить судьбу и боевой путь тех людей, которые были упомянуты дедом. И надо сказать, что, хотя к моменту написания воспоминаний со времён войны минуло почти пятьдесят лет, его память очень точно сохранила фамилии, звания, должности однополчан, по крайней мере большинства. Конечно, тут тоже потребовалась немалая исследовательская работа: ведь по одной фамилии, подчас распространённой, предстояло установить личность человека, а потом и всё остальное. А ведь звания и должности менялись, люди переводились из одной части в другую. Тем более что люди эти – не знаменитые герои и даже не лётчики, внимание к которым (а значит, и известность) у исследователей и широких масс любителей военной истории не в пример выше, а обычные «труженики войны», артиллеристы. Некоторых из упомянутых так установить и не удалось, надо надеяться, пока.

Поначалу эти люди существовали в виде ничего не значащих имён, фамилий, отчеств. Но по мере работы, по мере погружения в документы военной поры эти «имена-фамилии» начинали оживать, наполняться содержанием из своих боевых дел и поступков, представлять уже как личности. Словно бы из небытия проступали живые люди.

И тогда, чтобы они снова не растворились в толще лет, захотелось рассказать о них больше. Рассказать о них о всех – воинах 334-го ап. О том, как они воевали, что пережили и перенесли. Помянуть павших и прославить живых – насколько это было в силах. За годы войны через полк прошли сотни людей. И рассказать обо всех почти невозможно, в этой книге – уж точно. Но большой путь начинается с малого шага. Так текст стал пополняться, и притом значительно, сведениями о тех или иных эпизодах из боевой деятельности и повседневной жизни

---

⁶ Заметим, что политдонесения – очень ёмкий и информативный вид источника, содержащий сведения и о боевой работе части или соединения, и об их внутренней жизни: настроениях личного состава, бытовых вопросах и т. д.

⁷ Поразительно, но эти документы донесли до нас даже такие подробности, как клички многих полковых коней. К сожалению, причина тому была печальной: штаб фиксировал убыль конского состава.

полка и дивизии. Например, об эвакуации из окружения по Ладожскому озеру в августе 1941-го, о действиях разведгрупп и т. д. Эти сведения давались в виде постраничных сносок, как и биографические справки.

А для того, чтобы стал лучше понятен контекст происходившего, и прежде всего бои и боевая работа полка и дивизии, текст был снабжён многочисленными вставками – отрывками из оперативных документов, приказов, наградных листов. Они не только иллюстрируют сказанное в воспоминаниях, но и дают такие сведения, которых там нет. И от этого картина становится полнее и объёмнее.

Важно подчеркнуть, что в документах удалось найти подтверждение очень многого, о чём упомянул дед, и практически всего наиболее значимого и знакового, характеризующего жизнь полка. Это явилось подтверждением честности и правдивости воспоминаний, где за частным взглядом видно общее, где за одной судьбой можно различить многие.

Ввиду нынешних событий нельзя не затронуть ещё один момент, который в иных условиях мог бы и не привлечь к себе внимания. Дед по этническому происхождению (национальности) украинец. Изучая архивные документы, приходилось с удивлением и удовлетворением отмечать, какое большое количество украинцев служило в его полку – и среди рядового, и среди младшего, и среди старшего командного состава. В 334-м ап служили люди из разных регионов страны, представители разных национальностей⁸, но украинцев среди них было очень много. География – вся территория УССР, даже области Западной Украины (это были воины как довоенного призыва, так и последовавшего за освобождением региона летом 1944 года). И все они храбро воевали за свою страну – СССР, неотъемлемой частью которой была и Украина. Воевали под Ленинградом, в Карелии, Прибалтике, Польше. То есть, по логике нынешних украинских манкуртов, отрекшихся от своих корней, защищали «тоталитарный СССР», «ненавистную Россию», «несли порабощение народам Европы». Кто знает, может быть, подобным образом теперь рассуждают и внуки-правнуки однополчан деда? Могут ли почившие воины, преданные своими потомками, теперь спокойно спать вечным сном?

Таким образом, работа, наполняясь дополнительной информацией, переросла рамки публикации мемуаров и приобрела характер исследования. Полностью превратиться в «научную монографию» она бы, разумеется, не смогла по причине своей изначальной основы – мемуарного текста. Но это и не предполагалось. Заметим, что писать истории артиллерийских, равно как и, скажем, стрелковых полков труднее, чем, к примеру, авиационных (и особенно истребительных). Не столь ярка содержательная сторона, не столь богата броскими, запоминающимися эпизодами, хотя зачастую она не менее героическая, чем у тех же истребителей. «Рабочие войны», военная повседневность – а о ней и читать, и писать сложнее.

Многие оперативные документы, разведывательные сводки – то есть основа для такого рода исследований – выглядят не так, как страницы из Журналов боевых действий или Оперативных сводок авиачастей и соединений с их описаниями вылетов, воздушных боёв, побед и потерь. Для артиллерийских документов, особенно периода позиционной обороны, характерны записи вроде следующих (даны условно). «1 марта. 3-я батарея 2-го дивизиона. По цели № 345 (иногда указывается, что это за цель, а часто просто стоит её числовой код), координаты 45–63,7, выпущено 7 снарядов (упомянут тип, взрыватель). Цель накрыта (или поражена)». Потери противника могут указываться, а могут по объективным причинам и не указываться.

Или что-то вроде следующего: «Противник в квадрате 25–34 ведёт инженерные работы». «По дороге (указываются крайние населённые пункты, допустим, Ивановка – Семёновка) за день в полосе наблюдения 4-й батареи 1-го дивизиона проехал грузовой автомобиль и три

---

⁸ В те времена такая статистика считалась обязательной. Теперь – нет, так как нынче это считается «нетолерантным» и подрывающим устои общественного строя и концепции «россиянства». Однако нельзя отделаться от мысли, что замалчиванием объективной статистики власти и приближённые к ней «экспертные группы» либерального толка хотят скрыть какое-то вопиющее (очевидно) положение в сфере национальной политики и межэтнических отношений.

подводо». «На участке 257,4 и 175,6 (координаты) противник группами численностью до роты предпринимал попытки атаковать расположение 5-й роты 2-го батальона прикрываемого полка». «Противник ведёт огонь по участку обороны полка из района 9902, 552,1 и „горелой роши“ силами миномётной батареи (снова цифровые координаты цели) и „кочующего орудия“. Выпущено 12 снарядов». И так далее. Разумеется, есть и иная информация – о боях, ярких эпизодах, с примерами действий личного состава. Но именно из такой вот «неяркой» ежедневной боевой работы тоже складывалась Победа. Тем более если речь шла о «неглавных направлениях».

К слову о них. 142-я стрелковая дивизия и 334-й артиллерийский полк воевали не на главных участках советско-германского фронта, где свершались переломные сражения. Да, они защищали Ленинград. Но опять же, не на южном направлении, откуда к городу рвались немцы (кроме одного месяца), а на северном, в Приладожье. На первый взгляд второстепенный участок, дальний угол. И война там с сентября 1941-го по июнь 1944 года (с небольшим перерывом зимой – весной 1943 года) была позиционной: взаимные артиллерийско-миномётные обстрелы, разведки, работа снайперов и истребителей. А в основном – совершенствование укреплений и линии обороны, боевая учёба, военный быт, зимой – голод и холод, поддержание боевого духа и психологического настроения (ведь психологически долговременная позиционная война действует порой тяжелее, чем периоды, когда войска находятся в движении). И организация военного быта, поддержание боеготовности и морального настроения, в том числе путём организации самодеятельности, музыкального творчества, переписки с тружениками тыла и т. д. (чем во многом и занимались политорганы Красной армии) играли важную роль, помогали выстоять и вынести блокаду.

Но «второстепенным» это направление было на первый взгляд. Пусть северный «финский» участок Ленинградского фронта оказался не таким тревожащим, как южный «немецкий» – но там тоже решалась судьба Ленинграда. А с ним судьба Балтийского флота, северного участка советско-германского фронта, Заполярья, а в целом – и судьба всей войны. Возьми враг Ленинград – и стратегическая обстановка оказалась бы критической, а может, и фатальной. Это как ответ тем, кто нынче хочет порассуждать о том, а не лучше ли было сдать город.

А финны, вопреки мифам, остановились не сами по себе, из «нежелания» брать Ленинград, а потому, что их остановили войска 23-й армии, и в том числе 142-я стрелковая дивизия с 334-м артиллерийским полком, зацепившиеся за укрепленную оборонительную линию, что проходила немного южнее старой советско-финляндской границы. И у финнов не хватило сил и средств её преодолеть. Зато соучастие в организации блокады финны (которых всё та же известная порода людей старается представить некоей невинной жертвой советско-русской агрессии) приняли очень деятельное.

А в феврале – марте 1943-го дивизия и полк участвовали в боях по прорыву блокады. В 1944-м – отбрасывали от стен города старых знакомых – финнов (дед в это время находился уже на другом участке фронта), освобождали Прибалтику. А закончили они свой боевой путь в составе 2-го Белорусского фронта в Поморье, в Данциге (ныне – польский Гданьск). Как раз там, где сейчас польские русофобы и власти этой страны активно уничтожают память о войне и советских воинах-освободителях. Тех самых, благодаря которым к Польше оказались присоединены обширные земли Силезии, Пруссии и Поморья с тем же Гданьском – Данцигом. Там, в Польше, шли очень ожесточённые бои. Там полку пришлось выдерживать многочисленные контратаки противника, сражаться с немецкими танками и самоходными орудиями. И потери были немалые.

Так что второстепенных участков и направлений на войне не бывает. Все важны. И везде, даже на таких вот «неглавных направлениях» и в ходе «боев местного значения» солдаты дрались насмерть, проявляя воинское умение, мужество и героизм. Чаще всего оставаясь незамеченными и неизвестными.

Подробности о боевой работе отдельных воинов в оперативные документы попадали нечасто, гораздо больше тут могли бы помочь боевые характеристики и наградные листы, но в нашем случае таковых по итогам боёв 1941–1942 годов практически нет. Штаб полка исправно представлял отличившихся воинов к награждению, но на более высоком уровне (дивизии ли, корпуса или армии) эти представления в награды не воплощались. Очевидно, считалось, что раз войска отступают, то о каких наградах (кроме совсем уж крайних случаев) может идти речь. А награждение за прошлые заслуги не только не поощрялось, но и не допускалось. Например, указанием командующего 23-й армией (№ 01552 от 2 августа 1943 г.) было «категорически запрещено награждение личного состава за боевые действия в прошлом»⁹. И немало успешных боевых эпизодов, мужественных поступков, да просто необходимой повседневной работы уходило «в счёт войны».

А дело ведь не в «тщеславии» (мол, воюем за ордена), а в первую очередь в том, что порой иной возможности узнать что-то о людях, их совершавших (многие из которых впоследствии погибли), уже нет. Не попала их боевая жизнь в другие документы, не расписана она подробно. Хорошо, что хоть сохранились эти нереализованные наградные листы. Вот лишь несколько примеров, рассказывающих о боевой работе воинов 334-го крап летом 1941 года. Пусть хоть об этих людях станет что-то известно.

Разведчик, красноармеец Титоренко Семён Фёдорович вместе со своим подразделением попал в окружение, находился там четыре дня и в ночь с 4 на 5 июля вышел к своим, уничтожив «несколько финнов» и вынеся раненого товарища. В те же, начиная с 3 июля, дни командир огневого взвода младший лейтенант Привада Иван Григорьевич трое суток держал оборону, а затем вывел из окружения целую группу своих подчинённых и пехотинцев. Разведчик, красноармеец Колесников Михаил Иосифович, 1918 года рождения, четырнадцать раз ходил в тыл к противнику, а 5 августа спас 9-ю роту прикрываемого нашими артиллеристами 181-го стрелкового полка. Увидев там «отсутствие командного состава, взял инициативу командования ротой на себя» и вывел её из окружения. Помощник начальника штаба полка старший лейтенант Олков Анатолий Владимирович (1915 года рождения, участник ещё «финской» войны) 21 августа возглавлял прикрытие отходящего 2-го батальона 461-го стрелкового полка и взвода управления 2-го дивизиона, был отрезан от своих, но смог организовать оборону и вывести из окружения шесть пушек, 40 лошадей и 80 человек личного состава¹⁰.

Выводили людей из-под огня противника, спасая их от смерти и плена. А вот другой вид боевой работы – незаметной, но без которой никакому фронту не устоять. Наградной лист на представление к ордену Красного Знамени командира взвода боепитания 1-го дивизиона 334-го крап младшего лейтенанта Шаруненко Леонида Викторовича (1912 года рождения, тоже ветерана «финской»): «При поддержке 181 СП в районе Ункола 13.8.41 года, когда крайне потребовались боеприпасы, тов. Шаруненко ночью уехал на пристань, где разгружалась баржа, под ураганным огнём противника тов. Шаруненко выносил и грузил боеприпасы, направляя их на ОП (огневую позицию. – А. М.), показывая героизм и мужество, и ненависть к врагу. Тов. Шаруненко своевременно обеспечил ОП снарядами и при отправке последней партии снарядов был убит осколком снаряда»¹¹.

Снаряды были доставлены, орудия стреляли, прикрывая отход и погрузку войск. Скольким людям была спасена жизнь! А сколько было примеров непосредственно повседневной героической боевой работы расчётов орудий, телефонистов, наблюдателей, ездовых, пулемётчиков, командиров подразделений, уничтожавших вражескую пехоту, пулемётные точки, артиллерийские и миномётные батареи и делавших это возможным.

⁹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 334 ап. Оп. 2. Д. 11. Л. 127.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 334 ап. Оп. 2. Д. 2. Л. 51, 52, 61–61 об., 115–115 об.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 334 ап. Оп. 2. Д. 2. Л. 73–73 об.

3—4 июля разведчик красноармеец Дикий Николай Алексеевич «под сильным огнём противника пробрался вперёд пехоты, взобрался на высоту, где обнаружил миномётную батарею» и доложил её координаты. По финнам был открыт огонь, и миномётная батарея была уничтожена. А вот бой, проведённый командиром огневого взвода, старшим сержантом Власовым Иваном Фёдоровичем (1917 года рождения, за «финскую» был награждён медалью «За отвагу»), за который командованием части он был представлен к ордену Красной Звезды. «20 августа 1941 года старшему сержанту Власову с одним орудием была поручена ответственная задача: прикрытие отхода при эвакуации наших войск с острова Тоуна. Противник... начал наступать с разных сторон. Метко било орудие старшего сержанта Власова, уничтожая и рассеивая силы противника. При отходе [и] эвакуации орудий и личного состава противник вёл обстрел дорог и пристани, на которой велась погрузка. С поставленной задачей старший сержант Власов справился отлично, сохранив матчасть, людской и конский состав»¹².

Ни один из этих наградных листов в награду не воплотился. Всё пошло в счёт войны, в счёт нашей будущей Победы. Потому и ходили артиллеристы полка без наград до середины 1943 года (тогда начали вручать медаль «За оборону Ленинграда»). Наградить уже стали после боёв по прорыву блокады, а затем и наступления на Карельском перешейке. А ведь многие погибали раньше. Или переводились в другие части и получали награды уже там – за боевую работу, совершённую по новому месту службы. А то, как они воевали до этого, в 334-м ап – словно «белое пятно». И то же можно сказать об очень многих частях, особенно воевавших в начале войны. Тут могут помочь, и то далеко не всегда, архивные документы. А многие ли имеют возможность поработать в архиве?

Для того чтобы показать, как воевал полк и дивизия, ряд документов был помещён в книгу в полном объёме – в виде приложения. Это «Исторический формуляр» 142-й стрелковой дивизии, рассказывающий о её боевом пути в 1941–1943 годах (документ охватывает только этот период). А также история боевого пути 334-го ап (за это же время). Также сюда вошли несколько составленных в штабе полка документов, характеризующих боевую деятельность части, артиллерийскую службу вообще и рассказывающих о некоторых боевых эпизодах. Кроме того, сюда же был помещён предварительно составленный на основе нескольких документов список истребителей полка (воинов, уничтожавших противника из личного оружия по типу снайперов), а также список потерь личного состава 334-го крап и некоторые другие документы.

Особая роль отведена иллюстративному материалу. Сюда вошли фотографии из военного альбома деда и нашего семейного архива, материалы из фондов Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД) и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), а также из открытых источников сети Интернет. Ко всем фотографиям даны комментарии. Не секрет, что для читателей лица незнакомых людей ни о чём не говорят. А ведь за каждым человеком – ратный труд, нередко переходящий в подвиг. Поэтому в подписи к фотографиям были помещены выдержки из документов, рассказывающие о некоторых эпизодах их боевой работы. Чтобы незнакомые люди хоть немного стали ближе и понятнее читателю.

И вообще, эта работа была проделана для того, чтобы в истории войны (да и истории вообще) стало меньше «белых пятен», чтобы люди, потомки узнавали и помнили тех, кто когда-то жил на нашей земле и созидал нашу страну. Чтобы не выросло поколение безразличное, равнодушное, не помнящее и воспитанное на лжи. Пускай эта книга послужит лептой в деле изучения войны, возродит и воскресит память о людях, которые когда-то жили, верили, созидали, любили, боролись за правду и защищали свой дом и отчий край. Это нужно. Это необходимо. Ибо беспамятство превращает людей в животных.

¹² Там же. Л. 27, 92–92 об.

Жизнь – это преемственность поколений. Народ – это единство ушедших, живых и ещё неродившихся. Пока эта незримая нить единства, которую удерживают наше сознание и память (индивидуальная и коллективная), существует, живёт и народ. Но стоит лишь ей оборваться, как исчезает и народ, рушатся страны и государства. Помнить прошлое во имя будущего – это не просто слова. Это Закон Жизни. Будем помнить!

Балтнян Конон Иванович
(лейтенант в отставке, доктор
сельскохозяйственных наук)

Воспоминания о Великой Отечественной Войне

1941–1945

Начало записей – 19 ноября 1988 г.

День ракетных войск и артиллерии.

*С сего числа и месяца по предложению
полковника В.А. Колпакова*

*(69-я армия 1-го Белорусского фронта) необходимо
ежедневно вспоминать и записывать в «Дневник»
события военных лет 1941–1945 гг.*

Глава 1 Судьба коренной упряжки

Коренная упряжка: конь «Злой» и кобыла «Искра»

Призван в армию я был 22 ноября 1940 года из Ляховецкого района Каменец-Подольской (ныне Хмельницкой) области Украинской ССР, в котором с июня 1939 года работал в должности главного агронома. Проводы в армию заключались в том, что моя беременная жена Евдокия Спиридоновна проводила меня на железнодорожную станцию Ляховцы. Шли пешком. В чемодане – кружка, ложка, бельё. И я уехал на станцию Хийтола, что на Карельском перешейке, севернее города Ленинграда, под небольшим приозёрным портовым городом Лахденпохья.

Попал я в 334-й Краснознамённый артиллерийский полк 142-й стрелковой дивизии Ленинградского военного округа. Дислоцировался полк северо-западнее Ладожского озера, у границы с Финляндией. Первый человек, кто принял меня в полку (на станции Инкиля), был капитан Гришин¹³. С первых дней службы в Красной армии около полугода я был курсантом, старшим ездовым 76-мм дивизионной пушки¹⁴, знаков различия не имел.

Заодно замечу, что в 1941 – в начале 1943 года погон не было. Вместо них знаками различия служили петлицы. Младший комсостав на петлицах носил треугольники. Один треугольник – младший сержант, два – сержант, три – старший сержант, четыре – старшина. Четыре треугольника плюс нарукавная нашивка – у заместителя политрука. Офицеры носили кубики: один кубик – младший лейтенант, два – лейтенант, три – старший лейтенант. Старший командный состав на петлицах имел шпалу: одну – капитан, две шпалы – майор, три – подполковник, четыре – полковник. И далее, у высшего комсостава – ромбики, число которых возрастало по мере увеличения чина и звания, а затем – звезда большая – маршал.

Квитанция на принятые личные гражданские вещи, выданная новобранцу Балтяну К.И. в ОВС 334-го ап при зачислении на военную службу (с ценами тех времён)

Квитанция

1. Пальто зимнее с воротником	1	600 руб.
2. Фуражка	1	15 руб.
3. Ботинки	1 п.	30 руб.
4. Пиджак летний	1	30 руб.
5. Брюки летние	1	30 руб.
6. Рубаха верхняя	1	25 руб.
7. Рубаха нижняя	2 × 20 =	40 руб.
8. Майка	1	3 руб.
9. Кальсоны нательные	2 × 15 =	30 руб.
10. Гетры шерстяные	1 п.	5 руб.

¹³ В тексте упоминается много людей, а в некоторых разделах – особенно. Разумеется, предпочтительнее было бы поместить биографические справки о них в виде постраничных сносок. Но для того, чтобы облегчить восприятие (и текста, и самих этих справок), они приводятся отдельным блоком, помещённым в конце воспоминаний. В блоке указываются главы и разделы, в которых упоминается тот или иной человек.

¹⁴ В начале войны на вооружении полка состояли 76-мм дивизионные пушки образца 1936 г. Ф-22 (четыре батареи, 16 орудий), а также 122-мм гаубицы образца 1938 г. М-30 (две батареи, 8 орудий). В конце войны полк перешёл на новые штаты и из двухдивизионного стал трёхдивизионным (девять батарей плюс штабная). Обновлялась и материальная часть. Любопытно отметить, что в конце 1943–1944 годов на вооружении полка состояли и трофейные немецкие орудия: 150-мм гаубица (командир орудия старший сержант Рубцов Василий Иванович) и 105-мм гаубица (командир орудия старший сержант Немтинов Трофим Фёдорович). ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 3784. Л. 18, 19.

11. Шарф (кашше)	1	12 руб.
12. Галстук	1	2 руб.
13. Полотенце	2 × 10 = 20 руб.	
14. Носки х/б	3 × 3 = 9 руб.	
15. Воротничков	3 × 2 = 6 руб.	
16. Чемодан	1	40 руб.
Итого вещевого имущества на сумму		897 руб.
Принял: нач[альник] ОВС (подпись)		
26.11.40 г.		

Из личного архива К.И. Балтяна)

С первых дней службы судьба наделила меня «коренной» упряжкой. 76-мм орудия обычно перевозились тремя парами артиллерийских лошадей: коренной упряжкой и вторым и третьим «выносами». Коренные упряжки сокращённо называли «корень», а их ездового – «коренным». Впереди «корня» шла пара лошадей – «средний вынос», и передней парой был «передний вынос». «Коренные» кони были у зарядного ящика, с дышлом, а «выносы» – на построках, берущих начало от упряжек задней пары лошадей. От физической силы среднего и переднего «выносов» зависела возможность передвижения полка на склонах по крутым подъёмам вверх, к их вершинам; при спусках со склонов работал только «корень», а «выносы» подключались лишь при подъёме. На склонах всю тяжесть зарядного ящика и прицепленной за ним пушки удерживал «корень».

И неслучайно самыми сильными лошадьми, особенно коренными, всегда отличалось первое орудие. Лошади в «корень» первого орудия подбирались такими, чтобы могли сдерживать пушку при любой крутизне уклона и обеспечить возможность передвижения полка при передислокации или смене огневой позиции (ОП).

Поверь, читатель, что быть «коренным» ездовым первого орудия полка нелегко. От его транспортабельности зависит успех передвижения и дислокации всего полка. Движущей энергией для лошадей являлись овёс и сено, по 4 и 8 килограммов на голову соответственно. О воде уже не упоминаю, её нужно было «находить». Так случилось, что меня – крестьянина, агронома, также рослого (186 см) и физически развитого солдата – назначили быть коренным ездовым 1-го орудия 1-го взвода 1-й батареи 1-го дивизиона полка. Видать, командование на это обстоятельство обращало внимание.

Словом, если полк выезжал на занятия, моё орудие всегда шло во главе колонны, было первым. Мои лошади были самыми крупными в полку. Они поэтому и были коренными. Вторым и третьим «выносами» были лошади меньших габаритов, но также из числа тяжеловозов.

Подседельного коня звали «Злой», хотя он был самым мирным, тихим, понимающим обстановку, «сговорчивым» в самой трудной обстановке. Это был огромный, самый большой в полку конь. Одного пайка корма ему не хватало, поэтому у него развилась болезнь: «захватывание» («заглатывание») воздуха, чтобы хоть кое-как, кое-чем заполнить огромный желудок. Делал он это мастерски: зацеплял нижние зубы за какой-либо предмет, обычно за привязь, и при открытом рте вдыхал воздух, издавая при этом звук глубокого вздоха. Сочувствовали ему все: совали в рот сухари, куски сахара, а то и траву, ветки деревьев и кустов.

Его напарницей была кобыла «Искра», чуть поменьше ростом, так же как и «Злой», вороная. Такое имя она получила за крутой нрав, вспыльчивость при каждой удручающей её команде. Но, как и напарник её, «Искра» также была «сговорчива», особенно перед раздачей кормов. Получив свою порцию овса, она издавала какой-то крик, означающий «уходи», «не мешай», «исчезни»! «Злой» же и в этой обстановке оставался мирным, тихим, послушным¹⁵.

¹⁵ Как уже говорилось, в полковых документах сохранились клички некоторых лошадей. Наряду с типичными, такими как «Ласка», «Белка», «Малютка», «Рыжуха», «Игривый», «Беркут», «Цыган» и т. д., имелись и необычные. У некоторых вместо имён были номера (например, во 2-й батарее служили лошади № 21 и 62, а в 5-й – обозный конь № 191), но немало было и оригинальных. Так, в полку имелись кобылы «Колба», «Иллюзия» и «Неясная», кони «Зверобой», «Кортик», «Ляпис», «Издатель», «Ресторан». А самое необычное имя, возможно, носил конь «Еврик».

«Снять рукавицы! взять щётки, скребницы!» Как чистили лошадей

Уход за лошадьми заключался в кормёжке три раза в день, утренней выводке на чистку щётками и скребницами, уборке навоза и периодической «мойке» (тёплой водой с мылом, как в бане).

Наличие перхоти в гривах и хвостах не допускалось, как исключалось и загрязнение ствола винтовки, пушки или пистолета. Для проверки чистоты лошадей периодически устраивались «выводки». К ним мы готовились, как к смотру боевого оружия: чистили, мыли всё тело лошади, обращая особое внимание на хвосты и гривы, состояние копыт и подков, упряжи, седла.

В дни «выводок» выбирали удобные площадки, занимали места согласно номерам орудий: первое, второе, третье, по взводам, батареям, дивизионам. Комиссия во главе с ветеринарным врачом, сопровождаемая командирами, двигалась от первого орудия до последнего. Строй лошадей был так же безупречен, как строй солдат. Впереди каждой пары лошадей стоял их «хозяин», держа их под уздечками: слева подседельного, справа – его напарника или кобылу. При подходе комиссии к ездovому он называл себя и клички управляемых им лошадей. Ветврач доставал из своего кармана носовой платок, белый, отутюженный, и с его помощью проверял чистоту лошадей.

Впоследствии ездovые узнавали об оценке чистоты их лошадей на «выводке» из приказа. За образцовый уход получали благодарности, поощрения, за плохой уход – выговор, наряд вне очереди, лишение права на временные увольнения. Но, как правило, неряшливых ездovых среди нас не было. Даже при сильных морозах умудрялись устраивать для лошадей настоящие бани: в бочках от горюче-смазочных материалов грели воду, с помощью берёзовых веников, ветoши, тряпок отмывали тела лошадей до «идеальной» чистоты. Ухаживали за ними так, как орудийный расчёт за своим орудием, как каждый военнослужащий за своим личным пистолетом.

Я любил своих лошадей, и они эту любовь чувствовали. Всегда для них находились кусок сахара, сухаря. Кормил я их вволю, поил чистой питьевой водой, чистил ежедневно, замывал хвосты и гривы (до войны) два раза в месяц. За бережное отношение к лошадям командир моего взвода лейтенант Сирченко иногда разрешал мне верхом на «Злом» съездить на ближайшую железнодорожную станцию за папиросами.

...Лошади – что люди: понимают друг друга и ездovых и делают всё для общей пользы. Особенно «умными» становятся лошади при неудачах во время дислокаций, а ещё «умнее» бывают в боевой обстановке. Неслучайно первым другом человека, после собаки, считается конь. В одной из украинских народных песен говорится:

Сабля, люлька – то дружина,
Конь сывый – то мий брат.

Сердечное отношение к лошади окупается её верной службой. Мне удалось выхлопотать у командования для «Злого» второй паёк (по причине моего роста и как старшему ездovому 1-го орудия зимой 1940 года командование полка назначило второй паёк и мне). Разумеется, часть его доставалась и «Искре». За это они «научились» выполнять команды при смене подков или ввинчивании в подковы шипов (это было необходимо в случае холмистого рельефа или скалистой местности). При команде: «Правую переднюю» или «Левую заднюю» конь «Злой» через какую-то долю секунды или сразу же поднимал ту или другую ногу. За это он получал кусочек сахара или сухаря. То же было при обращении к кобыле, хотя и не всегда. Гордость самки соблюдала!

И теперь, в мирные дни, проезжая мимо кафедры коневодства Сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева (ТСХА), перед зданием которой установлены скульптуры коня и кобылы, вижу, что архитектор и скульптор знают повадки самцов и самок и верно отразили их: конь стоит на постаменте мирно, а кобыла прижала уши, недовольна, как будто хочет кого-то укусить. Глядя на эту пару отлитых из чугуна лошадей, вспоминаю своих «Злого» и «Искру», их судьбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.